

Сравним также рассказ о каркине и острее:

«Шестоднев»

Послание Аввакума

Видев же аз в немощне животе велику льсть и разумев, вею ти: да отбегнеши злааго того и проныривааго подрежания.

Каркин есть, да то жаеает зело ясти плъти остреевы, но бедно ему есть уловити ё, им же одежда ему есть, яки чрепина жестока. Да тем родом есть одено мекъкое месо и заключено в сколку тую тверде, да нечто створити каркину. Того щца да егда ё ублюдет в заветрыне месте зело сладъце се греюще и противу солнцю свои лице развезъше. Тогда же отай приде бо каркин, и камычьдъ възьмь в сколке ввърыг — не даст състегнути ё ю, ни створити. То то льстю премыслив, сътворит (л. 167—167 об.).

Есть в мори живот, именов острей, а другой — каркин. И жаеает каркин ясти плоть астреев и немощно ему улучити ея: в сколку огражена. Егда же острей уразумее каркин в заветренне месте греущая, разверше сколца своя, бив его каркин, и ввержет камычьдъ в сколца его. И к тому не возможет стягнути их, тако то его и погубит.

О злый, пронырливый каркин, прехитрил мнлаго острей-живота!

Тако то и никонияне, добывають христиан, умышляють, на смерть предають. Егда христианин не хотя их жертвам приобщатися, в заветреннем месте греущая или молитвуют втай или ино что служиг богови, разверше сколца своя, сиречь не опасется бедной горюю, уведав же, еретицы на нь и, бив его, совсем разорят, яко острей каркин съдят совсем (л. 17).

Нетрудно заметить, что и в этом рассказе переработка идет по линии краткости и простоты изложения, причем весь рассказ полемически направляется против «никониян».

Эти наблюдения подтверждают основные выводы А. К. Бороздина о характере использования Аввакумом источников. А. К. Бороздин писал:

«Занмствование из источников в очень редких случаях бывает буквальное, почти всегда Аввакум переделывает тот текст, которым он пользуется: или сокращает его, или упрощает внесением реальных подробностей, иногда почерпнутых из личных наблюдений и всегда приноровленных к умственному кругозору его паствы — такие приноровления становятся особенно важными ввиду полемического направления почти всех толковательных сочинений Аввакума».⁴³

Д. С. Лихачев, исследуя стиль протопопа Аввакума, писал, что «к каждой теме он подходит с неизменным эгоцентризмом. Личное отношение пронизывает все его изложение, составляя самую суть его».⁴⁴ Это своеобразие стиля Аввакума можно наблюдать и в переработке сказаний «Физиолога» и «Шестоднева». Изложение Аввакума по сравнению с рассказом «Шестоднева» эмоционально окрашено. Горькое сожаление о жертве — «милом острее-животе», которого «прехитрил» «злый, пронырливый каркин», позволяет Аввакуму провести аналогию с тем, как теперь «никонияне добывают христиан», «бедных горюю». Отвлеченные рассуждения Иоанна, экзарха болгарского, о лести и злобе заменены в рассказе Аввакума публицистическим отступлением о конкретных льстецах и ненавистниках, по его представлениям, — о «никониянах».

⁴³ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. 270.

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2). — История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 316.